

²³ Следует отметить, что теме торговли южнорусских жителей с казаками посвящена статья А. А. Новосельского, в которой приводятся и материалы из упомянутого дела (см.: *Новосельский А. А.* Из истории донской торговли в XVII веке // *ИЗ.* 1948. Т. 26. С. 198–216). Однако вопрос цен в указанной работе почти не затрагивается.

²⁴ Впрочем, в обратный путь нередко отправлялись и на судах, как правило, в том случае, если торговые сделки с казаками заканчивались приобретением не лошадей, а иного имущества (прежде всего трофейного).

²⁵ В этом, как и в ряде других случаев, социальный статус подследственного в материалах дела не указан.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 149–159, 161, 163–167, 170, 178–179.

²⁷ Там же. Л. 160.

²⁸ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 200.

²⁹ Речь идет о казачьем городке под названием Монастырский Яр, находившемся на самом низу казачьего Дона. В рассматриваемое время это был центр донского казачества.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 146–148, 180–182. — Чумак — кабатчик.

³¹ Там же. Л. 234–235, 237–238, 242–246, 257, 260–261, 317, 321.

³² Там же. Л. 335–337, 342–343, 345, 347.

³³ См., к примеру: Там же. Л. 208, 211, 221 (Показания жителей г. Зарайска).

³⁴ Там же. Л. 123–129, 139–140.

³⁵ Там же. Л. 150, 248.

³⁶ Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. Стб. 961. (РИБ; Т. 18); Кн. 2. Стб. 126, 163, 366; Кн. 3. Стб. 317; Кн. 4. Стб. 277 (Из показаний в Москве приезжавших сюда с войсковыми отписками казачьих станиц и вернувшихся с Дона служилых людей).

³⁷ Там же. Кн. 2. Стб. 46.

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 235. Л. 193.

³⁹ *Раздорский А. И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011. С. 19, 27.

⁴⁰ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке. С. 252.

⁴¹ Донские дела. Кн. 1. Стб. 483.

⁴² Там же. Стб. 793–795.

⁴³ Там же. Кн. 1. Стб. 317, 625, 862; Кн. 2. Стб. 133, 136, 138, 323, 519.

⁴⁴ См., например: Там же. Кн. 1. Стб. 951–955; Кн. 2. Стб. 272, 354, и др.

А. А. Рогожин

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ В СЕРЕДИНЕ XVII в. ПО ДОНЕСЕНИЯМ КОМИССАРА ИОАННА де РОДЕСА

Русско-шведские торговые отношения в середине 1640-х гг. после некоторого «затишья» стали активно развиваться. Этот период торговых контактов между двумя странами был подробно рассмотрен главным специалистом в этом вопросе И. П. Шаскольским, посвятившим ему несколько монографи-

ческих исследований¹. Еще раньше, в конце XIX в., взаимоотношения России и Швеции, в том числе и торговые, изучал Г. В. Форстен². Затрагивал вопрос о русско-шведской торговле и Б. Г. Курц, публикатор донесений Иоганна де Родеса, но его все же интересовала в основном проблема перевода центра русской внешней торговли из Архангельска на Балтику. Именно в этом аспекте рассматривалась и деятельность шведского комиссара, и его сочинение об архангельской торговле³. Такой важный элемент торговых отношений между двумя странами как хлебная торговля, не изучался подробно исследователями ни в XIX, ни в XX в.

И для Швеции, и для Русского государства торговля между собой имела большое значение. В особенности это заметно на примере хлебной торговли. Россия, один из главных экспортеров хлеба на международном рынке, использовала торговлю зерном для получения прибыли в казну, военных закупок, дипломатических маневров. В этой связи вопрос о русском хлебе часто затрагивался в отношениях между двумя государствами, имевшими прочные экономические связи. Споры среди представителей правящей элиты Русского государства об условиях торговых отношений со шведами, препятствия на пути иностранных предпринимателей, стратегия русского правительства в отношении международной торговли и т. д. — все эти вопросы затронуты в важном источнике середины XVII в. — донесениях шведского комиссара в Москве Иоганна де Родеса.

Родес, сын брабантского дворянина, служа шведской короне, имел прямое отношение к торговле. Сначала он был на службе у ревельских купцов, а затем в 1647 г. был отправлен вместе со шведскими послами в Россию в качестве поверенного по торговым делам. В Москве он внимательно изучал состояние русской торговли и даже составил по этому поводу донесение для шведского правительства⁴. В 1650 г. Родес снова был направлен в Москву — на этот раз он должен был получить 190 тыс. рублей, которые Россия согласилась передать шведам в виде компенсации за перебежчиков, оставивших пределы Швеции после Столбовского мира и поселившихся на русских землях⁵. Решая этот вопрос, Родес регулярно составлял донесения шведской королеве Кристине, в которых затрагивал множество вопросов, связанных с торговлей, внешней политикой, внутренней жизнью Русского государства. В своих донесениях он писал и о проблемах русско-шведской хлебной торговли, подробно рассказывая о препятствиях на пути налаживания связей в этом направлении.

Донесения Родеса неоднократно использовались историками для освещения различных вопросов отечественной истории середины XVII в., в том числе и вопросов торговли. Некоторые донесения публиковались на русском языке, причем наиболее полное и качественное издание было выполнено еще в начале XX в. Б. Г. Курцем⁶. Некоторые донесения, не опубликованные

Курцем или опубликованные с большими сокращениями, были изданы в альманахе «Русское прошлое» в 2001 г.⁷ Однако информация о хлебной торговле между Швецией и Россией, содержащаяся в донесениях шведского комиссара, не вызывала повышенного интереса у исследователей, которые касались этого вопроса чаще всего только мельком. При этом донесения Родеса представляют несомненный интерес в качестве «взгляда изнутри». В них выражено мнение человека, непосредственным образом соприкасавшегося со сферой торговли и пытавшегося защитить шведские интересы в России.

Активизация русско-шведских торговых отношений в 1640-х гг. породила и проблемы, решать которые нужно было в интересах купцов двух стран. Наряду с другими проблемами живое обсуждение вызывал и вопрос о продаже Русским государством хлеба Швеции, что было заметно даже по дипломатическим переговорам. В 1647 г. шведское посольство Э. Гюлленшерны, отправленное в Москву, обсуждало с русским правительством широкий круг вопросов, связанных с торговлей, в том числе и торговлей хлебом. Послы жаловались, что русским подданным не разрешалось вывозить хлеб для продажи в шведские владения, в данном случае в прибалтийские города. Русское правительство отвечало на это, что в прошлые урожайные годы в Швецию было продано много хлеба и при урожае в Новгородском и Псковском уездах вновь будет разрешено продавать хлеб «за рубеж в свейскую сторону, сколько мочно»⁸. Такой ответ не мог быть окончательно принят шведской стороной, поэтому вопрос о хлебе в отношениях между соседями в следующие годы поднимался еще не раз. Даже в 1649 г., на переговорах в Стокгольме, главным итогом которых стало заключение договора о перебежчиках, вопрос о продаже шведам русского хлеба был снова поднят и рассмотрен. Однако шведами был получен прежний неопределенный ответ⁹. Русские послы строго следовали наказу, полученному при отправлении из Москвы, в котором были предусмотрены возможные претензии шведов и ответы русской стороны. По поводу продажи хлеба послам было приказано говорить: «аже даст Бог, в тех в новгородских и во псковских местах хлеб родитца, и в[еликий] государь наш... поволит в Новгороде и во Пскове семени и запасов продавать за рубеж в свейскую сторону, сколько мочно»¹⁰.

Вести очередные переговоры с русским правительством о продаже хлеба пришлось по долгу службы именно Родесу, стремившемуся отстоять шведские интересы в сердце России, в Москве. Как уже было сказано выше, он прибыл в Россию за компенсацией за перебежчиков¹¹. Помимо этого, шведская королева Кристина просила русское правительство продать 30 тыс. четвертей хлеба из псковского и новгородского регионов по той цене, по которой продавался хлеб на внутреннем российском рынке. Переговоры Родеса по данному вопросу с русским правительством свидетельствуют о слабой заинтересованности Москвы в 1650 г. в подобных мероприятиях. В ответ на просьбу шведов дьяк А. Иванов в беседе с Родесом сообщил, что русское

правительство готово продать хлеб по цене в 6 рейхсталеров, тогда как по подсчетам его визави цена на внутрироссийском рынке составляла всего 60 коп. или около 1,25 рейхсталера. Последнее же предложение Иванова было 4 рейхсталера за четверть хлеба и не ниже, что весьма удивило шведа¹². Через несколько дней выяснилось, что царь готов согласиться на продажу только 10 тыс. четвертей хлеба, и это решение, вкупе с неопределенной ценой, приостановило на время переговоры¹³. Еще раньше королева Кристина просила продать 5 тыс. ластов (100 тыс. четвертей, ласт равен 20 четвертям) ржи с тем, чтобы вывезти ее через Архангельск. Оправдание высокой цены, да и в целом нежелания России продавать нужное Швеции количество хлеба, заключалось в неурожае в России, который поднял цены на хлеб внутри страны и обозначил его дефицит. Вдобавок, продавать 30 тыс. четвертей ржи именно в Новгородском и Псковском уездах было неудобно, потому что здесь находилось много ратных людей, которых нужно было обеспечивать хлебным жалованьем. По словам Родеса: «но, как я до сих пор об этом ни старался, приводя многие хорошие рассуждения и мотивы, я не мог получить более, чем 10 000 четвертей в псковской и новгородской областях, под тем предлогом..., что хлеб в обеих... областях плохо уродился, вследствие чего большим [отпуском хлеба] нельзя воспользоваться, в виду того соображения, что их цар. в[еличе]ство также имеют много военных людей, которых их цар. в[еличе]ство должен всех содержать»¹⁴.

Судя по донесениям Родеса, русское правительство внимательно следило за изменениями конъюнктуры на рынке международной торговли хлебом¹⁵. Заметим, однако, что в начале 1652 г. русская сторона была далека от серьезных уступок в торговых отношениях со Швецией и не собиралась продавать зерно дешевле, чем остальным покупателям. В январе 1652 г. Родес докладывал в Стокгольм: «Относительно хлеба я очень опасаясь, что если не решиться дать то..., что другие дают, и на принятие его в Архангельске, то на этот раз ничего не будет достигнуто. В этом году в Архангельск прибудет свыше 10 000 ластов зерна, и ... намерены это продолжать ... ежегодно, а чтобы потом свозить гораздо большее количество, все ... останавливаются на мысли уничтожить водку, для которой до сих пор собиралось и уничтожалось огромное [количество] зерна, так как в течение года по всей стране перегоняется ... много тысяч бочек... Хотя, правда, великий князь должен будет потерять в своих доходах свыше 400 000 рублей, которые он ежегодно [получает] с водки от "кабаков", однако они думают, что, наверно, в четыре раза так много ... они получают в свою очередь от зерна. Если это достигнет своего успеха, то в течение года, наверно, будет вывезено из Архангельска столь же много зерна, как и из Данцига»¹⁶. Дело в том, что еще раньше, осенью 1651 г. Родес получил из Стокгольма грамоту к русскому правительству, с просьбой позволить купцу Петру Терье приобрести и вывезти 2 тыс. ластов (40 тыс. четвертей) ржи. Однако грамоту Родес смог передать в царские руки

лишь 11 февраля 1652 г., о чем подробно отчитывался королеве Кристине, причем он получил от русской стороны неудовлетворительный для Швеции ответ. Царь Алексей Михайлович разрешил приобрести лишь половину просимого количества хлеба и строго по той цене, по которой будут покупать хлеб иностранные купцы в Архангельске, т. е. по обычной рыночной цене крупных партий хлеба, приобретаемых в России. Естественно, это не устраивало шведского комиссара, который резонно замечал, что «если ваше кор. в[еличе]ство (королева Кристина. — *А. Р.*) должны заплатить за ласт столько же, за сколько он покупается купцами, то ваше кор. в[еличе]ство не писали бы сюда; однако только ваше кор. в[еличе]ство или только кто-нибудь другой ... решились бы дать поручение купить его..., но ваше кор. в[еличе]ство ради соседственной дружбы надеялись, что оно будет уступлено вашему кор. в[еличе]ству за цену их цар. в[еличе]ства, в какую оно ему самому обходится, или по крайней мере за цену, за какую лишь 2 года тому назад их цар. в[еличе]ство его уступили»¹⁷. Возражения Родеса ничего не изменили, и единственное, что он смог добиться, это отправки «к боярину Илье Даниловичу [Милославскому], чтобы я домогался у него относительно цены другого решения, что до сих пор и продолжается»¹⁸.

Однако вскоре после этого обстановка изменилась. После окончания письма в Стокгольм, т. е. уже после 23 марта, шведский комиссар в Москве «получил от боярина Ильи Даниловича окончательное решение относительно зерна, именно, что ласт уступлен вашему кор. в[еличе]ству за 51 рст. (рейхсталер. — *А. Р.*)»¹⁹. Другими словами, цена была установлена на уровне 25 руб. 50 коп. за ласт (1 руб. 27,5 коп. за четверть). Эта цена была выше той, за которую продавали шведам хлеб по просьбе королевы в 1650 г. (тогда четверть стоила всего рубль), но и значительно меньше цены, которую запрашивало русское правительство в 1650 г. (тогда переговоры завершились, как указывалось выше, на цене около 4 рейхсталеров за четверть хлеба). Теперь же по предварительным расчетам четверть хлеба должна была обойтись шведам в 2,55 рейхсталера. В чем причина такого изменения отношения русского правительства в вопросе хлебной торговли со Швецией? Здесь можно лишь строить предположения, но самый верный путь — это поиск в направлении истории дипломатических отношений России и Швеции в целом, а также учет международной обстановки в это время. Россия нуждалась в поддержании добрососедских отношений со Швецией, потому что в этот период русское правительство начало закупки крупных партий оружия в Европе, готовясь к войне с Речью Посполитой. Это оружие доставлялось в Россию через принадлежащие Швеции балтийские порты. В 1650 г. вопрос о доставке оружия не стоял так остро, теперь же он стал очень актуален. Дело в том, что летом 1651 г. рижский генерал-губернатор задержал закупленное в Европе и доставленное в Ригу, Нарву и Ревель оружие для русской армии, ожидая особого разрешения шведской королевы по этому поводу. Русское прави-

тельство тут же потребовало разъяснений от шведского комиссара в Москве, настаивая на том, чтобы Родес написал в Ригу генерал-губернатору и убедил его пропустить оружие. Комиссар отправил требуемое письмо, но в своем донесении советовал королеве решить вопрос о поставках оружия в Россию через балтийские порты на правительственном уровне, предоставив соответствующие полномочия для переговоров в Москве ему самому²⁰. Возможно, чтобы избежать в дальнейшем повторения этой ситуации, русское правительство было вынуждено пойти на уступки. Его первоначальный ответ в феврале 1652 г. был своего рода пробой на прочность позиций шведского комиссара, но когда Родес заявил протест и настоял на пересмотре этого решения, русское правительство двинулось по пути компромисса. Естественно, безоговорочно принимать все условия шведов никто не желал, но решение снизить цену закупаемого Родесом хлеба демонстрировало доброжелательное отношение Москвы к Стокгольму и расчет на то, что такими же настроениями будет руководствоваться и шведское правительство, не допуская новых проблем с поставками оружия из Европы в Россию.

В середине лета 1652 г. оговоренная 1 тыс. ластов хлеба была уже закуплена и ожидала отправки из Архангельска, чем должен был заняться лично Родес. Ему пришлось выдержать еще и борьбу по вопросам пошлин. В июле 1652 г. в Посольском приказе Родесу было заявлено о том, что еще не принято окончательного решения по поводу обложения хлеба пошлиной. Это его немало удивило, потому что, по словам комиссара, «я не могу поверить, чтоб их цар. в[еличе]ство стали требовать какую-то пошлину, так как еще раньше никогда не было слыхано, чтобы хотя малейшую пошлину наложили на хлеб и какие-нибудь другие товары, которые куплены из казны их цар. в[еличе]ства, не говоря уже, что в этом году было освобождено от пошлины столько частных купцов, которые также купили хлеб, даже в большем количестве»²¹. После ряда проволочек Родесу пришлось пригрозить, что «если я не скоро получу резолюции о доставке зерна, то прошу вернуть мне обратно кредитив вашего кор. в[еличе]ства, а что касается до корабельных фрахтов и других издержек, которые уже пришлось на это употребить, то об этом можно будет поговорить в другое время». Лишь через несколько дней Родес смог добиться нужного решения: «Их цар. в[еличе]ство на все соглашаются, и мне дадут грамоту к “целовальникам” ..., которые имеют в Архангельске хлеб на руках, и им строго приказано выдать мне или моему уполномоченному 20 000 “четвертей” зерна и не брать с них никакой пошлины»²². 10 августа шведский комиссар отправил всю тысячу ластов хлеба из Архангельска²³.

Родес был в курсе уловок русского правительства, применяемых для искусственного поднятия цены на хлеб, когда большие партии зерна заблаговременно покупались царем и, взвинчивая цены на рынке, продавались иностранцам по высокой цене. В январе 1653 г., подводя итоги предыдущего года, шведский комиссар замечал, что хотя «опять скуплены ... большие пар-

тии зерна и доставляются теперь в Вологду, но, по всей видимости, оно не достигнет таких высоких цен, как случалось до сих пор в течение нескольких лет»²⁴. В особом донесении о русской торговле, составленном для королевы Кристины, Родес более подробно рассмотрел этот механизм. «Что касается хлеба со всей России, то он также принадлежит их цар. в[еличе]ству, и абсолютно ни одному частному лицу не дозволяется им торговать. Эта торговля при теперешних один за другим следовавших дорогих годах доставила их цар. в[еличе]ству значительно доходов, особенно за теперешние протекшие 4 года, в течение которых они приказывают ежегодно собирать почти 200 000 “четвертей” ..., поэтому по всей стране скупается (хлеб. — А. Р.) и со всех мест свозится в Вологду. В казанской, нижней ... и лежащих вокруг их областях “четверть” покупается за 12–25 копеек, в московской — 1 ртр. (рейхсталер. — А. Р.), в ярославской, ростовской и вологодской — 36–50 копеек. Хлеб, получаемый в новгородской и псковской областях, туда не вывозится. Итак, “четверть” в Архангельске не может обходиться со всеми расходами свыше одного рейхсталера. Так как они потом в 4 названные годы всякий раз брали в свою очередь за “четверть” свыше 2 ½–2 ¾ ртр., то доходы с хлеба доставили их цар. в[еличе]ству в короткое время свыше одного миллиона ртр.»²⁵.

Мы видим, что, несмотря на постоянные жалобы Родеса, русское правительство все же шло на некоторые уступки в хлебной торговле со Швецией. Россия была заинтересована в том, чтобы отношения с северным соседом были дружественными, учитывая и нужды экономики, и армии, и складывающееся международное положение (завершение Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. в Европе и казацкое восстание Б. Хмельницкого в Речи Посполитой). Судя по всему, русское правительство, не желая упускать свою выгоду, все же осторожно поддерживало контакты со Стокгольмом посредством хлебной торговли. Так что в общем справедлив вывод А. В. Демкина о том, что в «руках Русского правительства хлебный вопрос был инструментом внешней политики: разрешение на закупку хлеба давалось только по политическим соображениям»²⁶. И действительно, уже в 1653 г. русское правительство использовало продажу хлеба Швеции как повод, чтобы обратиться к шведскому правительству с просьбой о продаже столь нужных русской армии 20 тыс. мушкетов «по той цене, по чему мушкеты в вашу королевина величества казну ставятца». В грамоте царя Алексея Михайловича шведской королеве Кристине не только говорилось о продаже Россией Швеции хлеба в предшествующие годы, но и напоминалось об обещании самой королевы «нашему царскому величеству воздавати всякою доброю дружбою в иных мерах, где вам возможно»²⁷. Хлебная торговля активно использовалась во внешней политике России, а чисто экономические выгоды порой были подчинены внешнеполитическому курсу. Донесения комиссара Родеса, при всех попытках представить политику русского правительства как недружелюбную

по отношению к Швеции, создают далеко не столь однозначное впечатление. Русское правительство вело дальновидную политику, не желая терять денежные средства (что было бы неизбежным, разреши оно покупать шведам хлеб по просимой ими цене), но стараясь при этом сохранить дружественные отношения с северным соседом. Хлебную торговлю можно рассматривать, естественно, с оговорками, как своего рода индикатор внешнеполитического курса русского правительства. Об этом нам дают представление, в том числе и донесения шведского комиссара — важный источник не только по экономической истории России, но и по истории международных отношений.

П р и м е ч а н и я

¹ *Шаскольский И. П.* 1) Русская морская торговля на Балтике в XVII в.: (Торговля со Швецией). СПб., 1994; 2) Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998.

² *Форстен Г. В.* Сношения Швеции с Россией в царствование королевы Христины // ЖМНП. 1891. Июнь. С. 348–375.

³ *Куриц Б. Г.* Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII в. // Там же. 1912. Март. С. 72–105.

⁴ *Куриц Б. Г.* Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 1.

⁵ *Селезнев Г. В., Бондарко Н. А., Лобачев С. В.* Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. // Русское прошлое: Ист.-докум. альм. Кн. 9. СПб., 2001. С. 7.

⁶ *Куриц Б. Г.* Состояние России... С. II–IV (об изучении донесений И. де Родеса и их публикации до 1914 г.).

⁷ *Селезнев Г. В., Бондарко Н. А., Лобачев С. В.* Донесения Иоганна де Родеса...

⁸ *Шаскольский И. П.* Экономические отношения... С. 103.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сб. материалов, извлеч. из Моск. гл. архива М-ва иностр. дел и Швед. гос. архива и касающихся истории взаим. отношений России и Швеции в 1616–1651 г. М., 1897. С. 139.

¹¹ *Куриц Б. Г.* Состояние России... С. 1.

¹² Там же. № 1. С. 8 (донесение королеве Христине из Москвы 9 февр. 1650 г.).

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Там же. № 14. С. 81–82 (донесение королеве Христине из Москвы 11 дек. 1651 г.).

¹⁶ Там же. № 17. С. 95 (донесение королеве Христине из Москвы 31 янв. 1652 г.).

¹⁷ Там же. № 18. С. 96 (донесение королеве Христине из Москвы 23 марта 1652 г.).

¹⁸ Там же. С. 97.

¹⁹ Там же. С. 103.

²⁰ Там же. № 8. С. 56.

²¹ Там же. № 22. С. 123 (донесение королеве Христине из Москвы 18 июля 1652 г.).

²² Там же. С. 124.

²³ Там же. № 23. С. 125 (донесение королеве Христине из Архангельска 16 сент. 1652 г.).

²⁴ Там же. № 28. С. 134 (донесение королеве Христине из Москвы 20 янв. 1653 г.).

²⁵ Там же. С. 159–160 («Подробное» донесение о происходящей в России коммерции»).

²⁶ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1. М., 1994. С. 107.

²⁷ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. док. / Сост. М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М.; Л., 1960. № 123. С. 182–183 (грамота царя Алексея Михайловича королеве Христине с просьбой продать Русскому государству 20 000 мушкетов. 16 окт. 1653 г.).

Э. Л. Дубман

РЫНКИ СОЛИ ПРОМЫСЛОВ ПОНИЗОВОГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVI — XVII ВВ.

Одним из наиболее востребованных товаров в Московском государстве являлась соль. По весьма приблизительным подсчетам, ее общее производство и, соответственно, потребление к концу XVII в. составляло от 7 до 10 миллионов пудов в год. Однако крупнейшие соледобывающие центры — Камский, Астраханский, Беломорский и другие находились на окраинных труднодоступных территориях страны. Транспортировка соли в густонаселенные районы сопровождалась значительными издержками.

Астраханские соляные промыслы занимали ведущее место на юго-востоке европейской части России. На самосадочных озерах прикаспийской низменности производилось до 20–30 % всей российской соли. Доля этих промыслов во ввозе товарной продукции в центральные районы страны, где сосредотачивалась основная масса потребителей соли, хотя и значительно уступала камскому центру¹, составляла тем не менее от 14 до 20 %². На наш взгляд изучать историю соляных промыслов следует не изолированно, а в единой системе производства и распределения соли по всей территории Понизового Поволжья от Каспия до Камы³.

Очевидно, что во второй половине XVI — XVII вв. Понизовое Поволжье обеспечивалось солью в основном за счет собственных ресурсов. Одновременно этот регион являлся одним из крупнейших поставщиков данного продукта в центральные районы России. Через него шли потоки товарной соли, направленные, прежде всего, в сторону Казани и Нижнего Новгорода. Несмотря на наличие в Понизовом Поволжье, а также в непосредственной близости от него двух крупнейших соледобывающих центров России (Астраханского и Камского), здесь сложились и другие соледобывающие промысловые комплексы. Произведенная на них соль обеспечивала, как правило, потребности местной округи, а также в значительных количествах вывозилась за пределы региона.

Промыслы на Самарской Луке, Каме и Белой были основаны на традиционном для того времени процессе выварки рассола. На яицких предпри-